

Москва от 25 НОЯ 58
Газета №

346 За кулисами театра

Однажды во время репетиции пьесы И. С. Тургенева «Нахлебник» большая фарфоровая ваза упала с бронзового постамента и со звоном разлетелась на мелкие куски. Восстановить ее нельзя было. Для оформления сцены в этом спектакле ваза, скромно стоявшая в углу, имела большое значение. Она гармонировала со стилем и обстановкой сцены. Вазы не стало, и словно что-то изменилось. Эта часть пьесы, казалось, стала какой-то другой.

Больше всех горевал старый бутафор МХАТ Герман Георгиевич Лопатин. Ваза была гордостью реквизита. Осторожно собрал он осколки и унес к себе в мастерскую. Никто не знал, что будет делать с ними бутафор. Репетиции пьесы пока-что шли без вазы, но к премьере ее во что бы то ни стало надо было достать.

В антикварные магазины были посланы агенты, но шли дни, а подобную вазу нигде не могли купить. Настала генеральная репетиция. И вот Герман Георгиевич, ко всеобщему удивлению, поставил в правом углу сцены на тот же бронзовый постамент вазу. Казалось, это была та самая фарфоровая ваза, с тем же рисунком тончайшей работы. Это была первая победа бутафора-художника, талантливого самоучки.

Немногие зрители во время спектакля обращают внимание на бутафорию. Это и понятно. Ведь вещи на сцене реальны, они дополняют спектакль и сливаются с ним. В «Царе Федоре Иоанновиче» бутафория переносит зрителя в давно минувшую эпоху. Массивные кресла в тронном зале царя отделаны слоновой костью. В руках у бояр — длинные посохи, скипетр царя Федора усыпан бриллиантами. В руках воинов пики, бердыши и многие другие вещи выглядят в этом спектакле совсем как настоящие, как будто они только что взяты напрокат из Исторического музея. Но если бы зритель вошел после спектакля за кулисы, он был бы «разочарован». Он не нашел бы здесь кресел из дорогой слоновой кости. Вместо них он увидел бы легкие кресла, сделанные бу-

тафором Лопатиным из фанеры и искусно покрашенные под слоновую кость. Он увидел бы глиняные кувшины и вазы, деревянные ружья и простое полотно, отделанное под царскую парчу...

...Анна Каренина гибнет под колесами поезда. С напряжением переживают зри-

Г. Г. ЛОПАТИН.

тели эти страшные последние минуты Анны. Вот слышен гуд приближающегося поезда. Вдали вспыхнули два маленьких огонька. Гуд все нарастает, слышно, как мчится поезд, еще секунда — и вот уже паровоз, сверкая фонарями, стремительно летит прямо на зрителя. В этой поистине потрясающей сцене все реально.

...Нет ни одного спектакля, где бы искусные руки замечательного мастера-самоделки Германа Георгиевича Лопатина не нашли активного применения. В «Синей птице», «Горе от ума», в «Ревизоре», «Анне Карениной», «Вишневом саду» и во многих других пьесах почти все вещи

бутафорского обихода выполнены тов. Лопатиным и его учениками.

Из далекой глухой деревушки, затерявшейся в лесах Владимирской губернии, осенью 1907 года пришел работать в театр этот тогда еще совсем молодой столар.

— С тех пор прошло тридцать лет, — рассказывает Герман Георгиевич. — Но как сейчас помню я этот замечательный день. Был я тогда малограмотным. Но театр полюбил с первого дня. Это был театр, который еще в старое время смело и прямо показывал народу жизнь, какой она есть. Пьесы Горького «На дне», «Мещане» были первыми пьесами, которые покорили меня и навсегда связали с театром.

Я работал прилежно. Иные ночи почти напролет просиживал в мастерской, вытачивая какой-нибудь посох или кубок. Присутствуя на репетициях и слушая беседы художников и артистов, я поражался той горячей и неутомимой творческой энергии, с которой все эти люди работали над спектаклем, над отдельными сценами и ролями. Декорациям и бутафории много внимания уделял покойный К. С. Станиславский. Его глаз подмечал малейшую неадекватность и неточность в той или иной бутафорской вещи или в декоративном оформлении спектакля. Терпеливо, просто и понятно разъяснял он нам, рабочим, как надо сделать вещь, чтобы она была реальной, чтобы она жила в спектакле. И наоборот, в такой сказочной вещи, как «Синяя птица», К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко проявляли чудеса находчивости в своих феерических изысканиях...

Замечательная черта труппы и всего коллектива Художественного театра — это тесная, товарищеская спаянность. Уже через пять лет молодой талантливый столар стал совсем другим человеком. Он был теперь грамотным. Актеры театра помогли ему. Они работали над повышением его культуры. Они привили ему любовь к книге. После Великой Октябрьской социалистической революции с еще большей энергией отдался работе тов. Лопатин. Как и весь коллектив театра, он чувствовал, что работает теперь для всего народа, для процветания родного советского искусства.

Уже в наше, советское время тов. Лопатин вырос и оформился как мастер-бутафор.

— В течение моей 30-летней работы в театре он явился для меня замечательной школой, — взволнованно говорит тов. Лопатин. — В простых беседах с художниками Г. А. Симоновым, А. Н. Бенуа, Кустодиевым и другими художниками-декораторами черпал я знания. По их эскизам готовил мебель и другие вещи для спектакля. У Москвина, Качалова, Книппер-Чеховой, Леонидова и других выдающихся артистов учился я театральной культуре.

Частенько запросто заезжал к нам в Художественный театр Алексей Максимович Горький. Каждый его приезд для всего коллектива был праздником. Горький смотрел спектакли, давал советы, делал свои острые и всегда меткие замечания. Заходил к нам в мастерские и подолгу беседовал. Как сейчас помню, пришел он однажды и ко мне в бутафорскую мастерскую. Долго ходил, смотрел на вещи, на мою работу, а потом подошел и задумчиво, так это по-горьковски тепло сказал:

— А молодцы вы! Хорошие, смотрю, вы вещи делаете. Вот хоть бы эти диванчики, стулья... Только жаль — не настоящие. И рассмеялся.

Четвертый десяток лет работает, Лопатин в Художественном театре. Правительство высоко оценило работу этого замечательного мастера. В славный день 40-летнего юбилея Московского Художественного театра он был награжден орденом «Знак почета».

Сейчас Герман Георгиевич Лопатин в расцвете сил и способностей. Несмотря на свои 50 с лишним лет, он работает с большим жаром и увлечением.

Много труда, выдумки и подлинной любви к театру вкладывает Герман Георгиевич в каждую бутафорскую вещь, выполненную им, — будь то изысканная мебель в гостиной Фамусовых или купеческая обстановка дома Достигаева; на всем лежит отпечаток подлинного искусства, о котором еще покойный Станиславский сказал:

— В Художественном театре искусство начинается с вешалки...

АРК. СЕВЕРНЫЙ.